

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>
EDN: PIMMLG

Научная статья / Research article

Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.)

Александр Юрьевич Бендин

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
bendin26256@yandex.by

Аннотация: Рассматриваются вопросы создания и функционирования механизма мобилизации институтов и средств православных епархий Северо-Западного края России для оказания помощи воюющей армии, нуждам тыла и беженцам в период от начала войны и до падения монархии. В статье анализируются особенности положения Русской православной церкви в епархиях Северо-Западного края. Эти особенности были обусловлены напряженными отношениями западнорусских православных с польским католичеством, что находило свое проявление в религиозно-этнических конфликтах и противоречиях. Исследуется процесс создания епархиальных механизмов помощи армии и тылу, которые были основаны сверху, на иерархически устроенной системе церковной власти и дисциплины, и снизу, на патриотической инициативе западнорусского духовенства, монашествующих и мирян в церковных учреждениях, институтах и православных братствах. В статье анализируются перемены, которые происходили в религиозно-нравственном состоянии западнорусской паствы под воздействием близости Западного фронта и социальных изменений в тылу. Автор приходит к выводу, что в западнорусских епархиях Русской православной церкви в годы войны в результате патриотической мобилизации сформировалась своеобразная военная «симфония» Церкви и государства, в основу которой были положены общие идейно-религиозные и национально-патриотические ценности защиты царя и Отечества.

Ключевые слова: Вторая Отечественная война, история Русской православной церкви, западнорусские епархии, духовенство, церковные учреждения и институты, православные братства

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00294). Название проекта: «„Русский мир“ и „русская земля“: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.». Руководитель А.Э. Котов.

Для цитирования: Бендин А.Ю. Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 427–440. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917)

Alexander Yu. Bendin

Belarusian State University, Minsk, Belarus
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
bendin26256@yandex.by

Abstract: The author examines the issues of the creation and functioning of the mobilization mechanism of institutions and resources of the Orthodox dioceses of the North-West Territory of Russia to provide assistance to the Imperial Russian Army, and to meet the needs of the rear and refugees in the

© Бендин А.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

period from the beginning of the war to the fall of the monarchy. The article analyzes the peculiarities of the position of the Russian Orthodox Church in the dioceses of specifically the North-West Territory of Imperial Russia. These peculiarities were due to the tense relations of the Western Russian Orthodox people with Polish Catholicism, which manifested itself in religious and ethnic conflicts and contradictions within the area. The article examines the process of creation of diocesan mechanisms of assistance to the army and the rear, which were based on above on the hierarchically organized system of church authority and discipline, and from below on the patriotic initiative of the Western Russian clergy, monastics, and laity in church institutions and Orthodox brotherhoods. The article analyzes the changes that occurred in the religious and moral state of the Western Russian flock under the influence of the proximity of the Western Front, along social changes in the rear. The author comes to the conclusion that during the war years as a result of patriotic mobilization in the Western Russian dioceses of the Russian Orthodox Church, a kind of military "alliance" was formed between of the Church and the state which was based on common ideological-religious and national-patriotic values of protecting the tsar and the Fatherland.

Keywords: The Second Patriotic War, history of the Russian Orthodox Church, Western Russian dioceses, clergy, church institutions and institutes, Orthodox brotherhoods

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00294). Project title: "The "Russian World" and the "Russian Land": Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in the Publicistic Discourse of the Mid-19th – Early 20th Centuries." Supervised by A.E. Kotov.

For citation: Bendin, A.Yu. "Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917)." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 427–440 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

Введение

Актуальность. В последнее десятилетие в связи со столетием начала и завершения Первой мировой войны изучение событий этой эпохи как на фронте, так и в тылу, приобретает все больший общественный и научный интерес. Начавшаяся Великая война внесла существенные изменения в церковную жизнь западнорусского духовенства и его паствы, вызвав проблемы принципиально иного, чрезвычайного характера, которые пришлось решать в условиях приближения боевых действий, отступления Русской армии, массового беженства, эвакуации и последовавшей затем стабилизации Западного фронта.

Степень изученности проблемы. Отечественная историография о роли Русской православной церкви в Первой мировой войне весьма обширна. Уже в годы войны появились первые работы, которые содержали описание опыта служения православной иерархии, духовенства и монашества насущным нуждам военного времени, практическим и религиозным¹. К столетнему юбилею Первой мировой войны появился ряд публикаций российских исследователей о различных аспектах и проблемах церковного, общественного и государственного служения духовенства в период военных испытаний 1914–1917 гг.²

В них исследуется опыт патриотического служения духовенства и монашества, а также религиозно-нравственное состояние и социально-политические настроения мирян в условиях обширного и глубокого тыла, который представляла собой центральная Россия и ее восточные губернии. Существенно менее исследованным, а значит, по-прежнему актуальным остается изучение феномена социально-церковной жизни прифронтовой полосы и ближнего тыла действующей Русской армии на Северо-

¹ Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Книга первая. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916.

² Леонтьева Т.Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119; Борищукова Е.Д. Патриотическая деятельность Православной церкви в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 67–73.

Западном и Западном фронтах, в частности, в губерниях Северо-Западного края России, куда входили епархии – Литовская, Гродненская, Полоцкая, Минская и Могилевская³.

На этих территориях, частично оккупированных германскими войсками в 1915 г., феномен социально-церковной жизни имел свои отличительные особенности не только в силу военного положения, близости фронта и его продвижения на восток. До войны для Западной России были характерны религиозно-этнические конфликты и противоречия, в первую очередь, между православными, принадлежавшими к «русской вере», и католиками, исповадавшими «польскую веру», а также между христианами и иудеями, католиками польскими и литовскими⁴.

Ответственность за соблюдение церковных правил, солидарность с монархией, поддержание патриотизма духовенства и мирян, а также выполнение решений Святейшего синода о различных формах содействия воюющей армии, семьям мобилизованных, раненым и беженцам была возложена на правящих епархиальных архиереев. В связи с этим появляется новый ракурс видения феномена социально-церковной жизни в епархиях Северо-Западного края, представленный правящими архиереями Русской церкви и официальными «епархиальными ведомостями». Возникает проблема понимания перемен, происходивших в церковной жизни западнорусских епархий под непосредственным воздействием военных действий в ближнем тылу Северо-Западного, а затем Западного фронтов, которое было характерно для западнорусской иерархии и духовенства в период от начала войны и до падения императорской власти.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основании анализа отчетов Синоду западнорусских архиереев и материалов «епархиальных ведомостей» определить особенности оценок и представлений иерархов и официальной церковной прессы о войне и миссии Русской православной церкви в этот период, о церковном, государственном и общественном служении духовенства, монашества и мирян, а также о религиозно-нравственном состоянии и социально-политических настроениях православной паствы.

Источниковая база. Источниковую основу работы составили материалы периодической церковной прессы. В региональных церковных изданиях Северо-Западного края России (епархиальные ведомости Литовской, Гродненской, Минской, Полоцкой и Могилевской епархий, Вестник православного Виленского свято-Духовского братства) в официальных и неофициальных разделах содержатся не только данные о различных формах патриотического служения в епархиях, но и представлены взгляды духовенства и мирян на события военного времени. В свою очередь, видение состояния и проблем епархиальной жизни во время войны правящими архиереями изложено в ежегодных отчетах Синоду, хранящихся в фонде канцелярии Синода (Ф. 796) Российского государственного исторического архива.

Деятельность Святейшего Синода Русской православной церкви по мобилизации церковных ресурсов на военные нужды

1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 г. Россия вступила в войну с Германией, а 20 июля император Николай II обратился с манифестом к своим подданным. В нем говорилось:

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение⁵.

³ Щеглов Г., иерей. Первый Серафимовский. История одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). Минск, 2014; Пашков Н., иерей. Православная и Римско-Католическая Церковь на территории Беларуси в 1914–1917 гг.: на пути к Февралю // Богослов [сайт]. URL: <https://bogoslav.ru/article/5338800> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск, 2010.

⁵ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 13–14.

Святейший Синод на заседании 20 июля принял Определение № 6502, в котором сообщалось об обнаружении манифеста государя-императора в церквях и совершения при этом молебствия ко Господу Богу о даровании победы российскому воинству. Синод обратился к православному духовенству с особым призывом, чтобы в своих поучениях оно направляло свою паству к содействию государству в деле обеспечения победы над врагом и содействию тем, кто потерпел урон от войны. Синод призывал монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на лечение раненых и больных воинов.

Предписывалось также установить во всех церквях особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного креста и семей, пострадавших от войны. Синод призывал монастыри, общины и все духовные учреждения к подготовке свободных помещений для устройства и содержания госпиталей. Мужские и женские монастыри и общины призывались к поиску и подготовке лиц, способных ухаживать за ранеными и больными воинами как в самих обителях, так и в учреждениях Красного креста. Синод обращался ко всем православным с призывом следовать заповеди Христовой о братской любви к ближним и проявить особую заботу о духовной и материальной поддержке жен и детей солдат, мобилизованных на войну⁶.

Предписываемые Святейшим Синодом попечения о семьях лиц, призванных на военную службу, не имели соответствующей приходской организационной структуры. Необходимо было создать специализированный церковный институт, который бы взял на себя организацию помощи семьям мобилизованных воинов. В связи с этим Синод поручал епархиальным архиереям сделать распоряжение о немедленном образовании в каждом приходе особых попечительных советов, которые должны были заниматься организацией помощи семьям солдат, призванных на войну⁷.

В тот же день, 20 июля, Святейшим Синодом был составлен текст синодального послания «К чадам Православной Российской Церкви», в котором содержались призывы: к воинам – идти с Богом на поле брани и явить воинскую доблесть, искони присущую русскому воину; к братьям и сестрам во Христе – быть готовыми принести все жертвы, которые потребует защита Веры и Родины; к архипастырям и пастырям – ободрять паству, укреплять в вере, охранять от соблазнов, направлять жизнь по заповедям Божиим, поддерживать в народе любовь к Церкви, Царю и Родине, и непрестанно молиться о том, чтобы Господь послал силу и крепость Царю и его воинству. Определение и послание Святейшего Синода было опубликовано в Церковных ведомостях, издаваемых при Святейшем Правительствующем Синоде⁸.

Документы, принятые Синодом и обращенные к иерархии, духовенству и пастве Русской православной церкви, представляли собой церковную интерпретацию Манифестов императора Николая II о начале войны с Германией и Австро-Венгрией⁹. Изданные императором Манифесты стали средством легитимации решения верховной государственной власти о вступлении России в войну, а также политическим, идейным и религиозным обоснованием справедливого характера этой войны, неожиданно принявшей общеевропейский, а затем и небывалый до того мировой масштаб¹⁰. Религиозно-политический язык манифестов, на который традиционно опиралась российская монархия, обосновывал мотивацию, необходимую для защиты Отечества, и определял ценностно-идеологическую основу для

⁶ Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Книга первая. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 17–21.

⁷ Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 349–350.

⁸ Там же. С. 346–347.

⁹ Там же. № 31. С. 357–360.

¹⁰ Соловьев К.А. Библейские аллюзии в Высочайшем манифесте от 26 июля 1914 г. // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 171–179.

общенационального согласия и доверия государству и монарху в чрезвычайной ситуации войны.

Синод же, обладавший высшей духовной властью в церкви – законодательной, исполнительной и судебной, использовал те же библейские аллюзии и апелляцию к защите национальных и религиозных ценностей, как и авторы высочайших Манифестов, не только для церковной легитимации справедливости войны, оборонительной для России. Благодаря церковной санкции вооруженной защите Отечества придавался священный характер, что давало основание определять ее как Вторую Отечественную войну¹¹.

Совместное обращение к религиозно-национальным ценностям, библейским аллюзиям и евангельскому завету «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13) было призвано усилить общенациональный мобилизационный эффект государственных и церковных манифестов и посланий к поданным империи. В начавшейся войне, которая стала экзистенциальным испытанием для Российского государства и общества, институт монархии и церкви объединяли общая вера, система христианских ценностей, традиции и цели защиты Отечества¹². По мере появления новых врагов России, вступавших с ней в «войну народов», монархия, следуя симфонической византийско-русской традиции, призвала на помощь государству, армии и тылу прежде всего церковь, которая объединяла большой русский народ – великорусов, белорусов и малороссов, составлявших абсолютное большинство населения империи¹³.

С вступлением в войну против России Австро-Венгрии, Турции и Болгарии окончательно сформировался блок государств – Четверной союз врагов России на всех театрах военных действий от восточноевропейских рубежей до Закавказья, от Балтийского моря до Черного. За это время сформировалось и было провозглашено общее идейно-политическое и религиозное отношение верховной власти и церкви к характеру и целям войны, определены мотивы и ценности, которые были призваны побуждать к защите Отечества подданных всех сословий, этнических групп и конфессий.

Определились и основные направления деятельности Святейшего Синода как высшего управленческого центра Русской православной церкви по организации в подведомственных епархиях различных форм помощи фронту, армии и тылу, а также взаимодействию церковных учреждений и институтов с общественными организациями – Красным крестом и др. С этого времени война как социально-политическое явление стала неотъемлемой частью епархиальной жизни. Однако в епархиях Северо-Западного края России идейно-патриотическое служение Русской православной церкви имело свои региональные особенности.

Создание и функционирование механизма патриотической мобилизации церковных институтов и средств в епархиях Северо-Западного края России

С началом войны губернии Северо-Западного края, в частности Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Гомельский уезд Могилевской губернии, были объявлены на военном положении. Затем последовал высочайший указ о призыве на действительную службу нижних чинов запаса армии и флота, офицерских и классных чинов запаса армии и флота, а также ратников ополчения

¹¹ Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 15–16. С. 334.

¹² Участие православных воинов в защите Российского государства Святейший Синод Русской православной церкви рассматривал как богоугодное и праведное дело, которое опиралось на византийское церковное наследие. См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. VIII. Война и мир // Патриархия [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 27.02.2024).

¹³ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 24.

1-го разряда, назначенных на пополнение постоянных войск и для формирования ополченческих частей в ряде губерний Российской империи¹⁴.

Для православного духовенства епархий Северо-Западного края реальность войны, потребовавшая конкретных действий Синода и правящей иерархии, пришла, в первую очередь, со страниц светской прессы и «епархиальных ведомостей». Идеям справедливой войны как второй Отечественной, которые транслировала западнорусская церковная пресса, пришлось пройти суровую проверку испытаниями, которые принесла близость Северо-Западного фронта и церковная мобилизация.

В своем ежегодном отчете Святейшему Синоду о состоянии Литовской епархии за первый военный 1914 г. архиепископ Тихон (Беллавин) сообщал о том, как происходила патриотическая мобилизация церковных ресурсов в Литовской епархии «в настоящую переживаемую тяжелую годину великой Отечественной войны»¹⁵.

В отчете говорилось, что при первом же известии о вторжении в пределы России немецких войск в г. Вильне – центре Литовской епархии состоялось собрание городского духовенства, на котором было принято решение открыть при Правлении епархиальной вспомогательной кассы Комитет для сбора пожертвований на нужды войны как от духовенства церквей г. Вильны и служащих в учреждениях духовного ведомства (консистерия, училища), так и причтов иногородних и сельских церквей и монастырей епархии. Созданный Комитет начал работу по сбору пожертвований среди духовенства и учреждений духовного ведомства в пользу семейств запасных нижних чинов, направляя денежные суммы по назначению.

Кроме денежных пожертвований со стороны городского и сельского духовенства, в Комитет присылались щедрые пожертвования из приходов епархий постельным бельем, подушками, тканями, теплыми вещами и проч. По сообщению архиепископа, в Литовской епархии было создано 138 попечительных приходских советов, которые занимались сбором средств на поддержку семей мобилизованных солдат. С помощью средств, собранных Комитетом, в виленском лазарете Красного креста была организована палата «имени православного духовенства Литовской епархии»¹⁶.

Патриотическая мобилизация церковных институтов и средств, инициированная Святейшим Синодом, а затем и правящими епархиальными архиереями, получила широкую поддержку снизу среди духовенства и мирян Северо-Западного края России. Епископ Могилевский и Мстиславский Константин (Булычев) 31 июля 1914 г. (ст. ст.) обратился к духовенству Могилевской епархии с предложением немедленно образовать во всех приходах особые попечительные советы для помощи семьям лиц, находившихся в войсках¹⁷.

Духовенство и миряне Могилевской епархии развернули энергичную деятельность по сбору и заготовке белья и носильных вещей для нужд действующей армии, за что были удостоены высочайшей похвалы императора Николая II, написавшего по этому поводу: «Сердечно тронут и благодарен». Постоянно находясь в Могилеве с 23 августа 1915 г. (ст. ст.) император и в дальнейшем неоднократно выказывал благодарность духовенству, монашествующим и прихожанам Могилевской епархии за их «верноподданнические лепты на военные нужды»¹⁸.

¹⁴ *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна, 1915. С. 15–16, 40–42; *Смолянинов М.М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. 2-е изд., доп. Минск, 2018. С. 14–36.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 18–19.

¹⁷ Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1914. № 15. С. 220–221; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1915. № 3. С. 41–42.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 1–4; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 1. С. 1.

Минская духовная консистория под председательством епископа Минского и Туровского Митрофана (Краснопольского) и епископа Слуцкого Феофилакта (Клементьева) приняла решение о создании при епархиальном Свято-Николаевском братстве центрального епархиального попечительного совета для объединения, согласования и руководства всеми приходскими попечительными советами. Задачи совета заключались в организации централизованного сбора епархиальных средств, поступавших на нужды семейств воинов, мобилизованных на войну.

В свою очередь, служащие духовной консистории, духовенство г. Минска и ряда благочиний Минской епархии приняли решение об ежемесячном отчислении от 1 до 3 процентов своего жалования в пользу семейств нижних чинов, призванных в действующую армию. Пожертвования, поступающие от отдельных приходов для больных и раненых воинов, направлялись лазаретам минской общины Красного Креста и в Центральный епархиальный попечительный совет. В здании Минской духовной семинарии на средства духовенства епархии был открыт лазарет для раненых воинов. Пожертвования на содержание лазарета присылались на адрес минского православного Свято-Николаевского братства¹⁹.

По распоряжению епископа Полоцкого и Витебского Иннокентия (Ястребова) в г. Витебске с началом войны была создана распорядительная комиссия по обслуживанию духовных нужд больных и раненых воинов, находящихся в витебских лазаретах. В соответствии с решениями комиссии были определены группы духовенства для совершения богослужений, ведения духовно-нравственных чтений и бесед, напутствия больных и совершения погребений умерших²⁰.

В это же время духовенство невеличких благочиний Полоцкой епархии выступило с инициативой помощи раненым и больным воинам, предложив выделить церковные средства для госпиталей г. Неveliя²¹. Инициатива была поддержана Полоцким епархиальным съездом духовенства и церковных старост, на котором 8 октября 1914 г. (ст. ст.) было принято решение об открытии в г. Витебске на средства духовенства и церковью епархии Епархиального лазарета на 25 кроватей. Съезд обратился к императору Николаю II с выражением «верноподданнических чувств беспредельной и самоотверженной преданности возлюбленному монарху и дорогой Родине»²².

Гродненская епархия, как и Литовская, с началом войны оказалась вблизи театра военных действий, что сразу же поставило перед губернской и церковной администрацией задачу организации помощи раненым и беженцам²³. Духовенство епархии, управляемой архиепископом Михаилом (Ермаковым), по призыву своего архипастыря послужить страждущим воинам и их семьям, начало сбор пожертвований в пользу Всероссийского общества Красного Креста, которое оказывало помощь больным и раненым воинам, а также в пользу воинского благотворительного общества Белого Креста для помощи вдовам и сиротам погибших военных. Собранные деньги направлялись в консисторию для отсылки по назначению. Пожертвования духовенства Гродненской епархии направлялись также и на имя императора и императрицы Александры Федоровны²⁴.

¹⁹ Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 16. С. 316–319; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1914. № 17. С. 275–276; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1915. № 16. С. 238–239.

²⁰ Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 37. С. 409–415.

²¹ Там же. № 39. С. 436–438.

²² Там же. № 42. С. 448–452.

²³ Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Минск, 2009.

²⁴ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1915. № 17–18. С. 141.

Особую активность в «святом и великом деле благотворения» проявило духовенство, церковнослужители, братства, учителя церковно-приходских школ Кобринского и Полесского благочиний, обеспечивших обильный приток пожертвованных деньгами и бельем, поступавшими от приходов, а также отчислением 5 % от ежемесячного жалования на содержание кроватей «имени духовенства Кобринского уезда» в Кобринском военном лазарете²⁵.

Западнорусское духовенство и его архипастыри не только проповедовали с церковных кафедр необходимость защиты Отечества и царя, призывали к жертвованиям и трудам на нужды войны, но и сами являли пример в деле широкой благотворительности. Почин духовенства, деятельно и энергично отозвавшегося на призывы своих архипастырей, на протяжении военных действий потребовал немалых финансовых и материальных затрат, включая и внутренние займы военного времени, в которых участвовало духовенство²⁶. Однако, несмотря на резкое ухудшение материальных условий существования, тяготы и опасности войны, особенно в прифронтовой полосе, испытания беженством и эвакуацией, западнорусское духовенство продолжало безропотно выполнять свой религиозный и гражданский долг перед Русской церковью, Россией и монархией²⁷.

Почин приходского духовенства о добровольном сборе денежных взносов для содержания госпитальных коек для раненых воинов в лазаретах, устраиваемых обществом Красного креста, поддержали насельники и насельницы западнорусских монастырей. Так, в кельях виленского женского монастыря Марии-Магдалины, управляемого монахиней Верой (Потапенко), на монастырские средства был открыт лазарет на 15 кроватей, обслуживаемый монахинями. В качестве сестер милосердия служили также десять послушниц монастыря²⁸. Кроме того, из Литовской епархии семеро иеромонахов было откомандировано для исполнения пастырских обязанностей в подвижные армейские госпитали²⁹.

Настоятельница минского женского Преображенского монастыря игуменья Валентина выделила отдельный дом в стенах монастырской ограды, приспособленный для организации лазарета на 20–25 кроватей. На покрытие расходов по содержанию лазарета стали поступать пожертвования от архиерейского дома, минского Свято-Духова монастыря, пинского Свято-Богоявленского и ляданского Свято-Благовещенского монастырей, а также от наиболее богатых церковей епархии³⁰.

Значительные денежные средства на нужды военного времени жертвовали монастыри Могилевской и Полоцкой епархий³¹. Стоит особо отметить патриотическое служение монастырей Гродненской епархии Русской православной церкви. Например, братия гродненского Борисо-Глебского монастыря с самого начала войны постановила отчислять на нужды больных и раненых воинов 2 % из своего ежемесячного содержания. В монастырской трапезной была организована большая бесплатная чайная для находившихся в районе Гродненской крепости и проходивших через Гродно войск.

Жириковичский Свято-Успенский монастырь предоставил бесплатный приют многим беженцам из пограничных местностей, вынужденных по обстоятельствам военно-

²⁵ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1914. № 36–37. С. 375–379; Там же. № 38–39. С. 467–468.

²⁶ Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 45–46. С. 2–3.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2755. Л. 8 об.; Д. 2647. Л. 13 об.; Д. 2633. Л. 27, 29 об.; Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 16. С. 200–201.

²⁸ Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 17. С. 371.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 7.

³⁰ Приложение к № 17 официальной части Минских епархиальных ведомостей за 1914 г. С. 1–3.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 17.

го времени покинуть свои жилища. Кроме того, из братских доходов было пожертвовано 100 руб. на раненых и больных воинов. Двое иеромонахов были направлены на театр военных действий, а четыре послушника были призваны в армию³².

С началом войны с Германией комендант Гродненской крепости, в районе действий которой находился красностокский Свято-Богородичный женский монастырь, потребовал от игуменьи Елены (Коноваловой) эвакуации из Красностока детей из школы и приюта, а также сестер монастыря. Через неделю в Москву было отправлено 11 вагонов с детьми и сестрами, а также ценным монастырским имуществом. Сюда же были отправлены древняя Красностокская чудотворная икона Божией Матери и чтимая Владимирская икона Божией Матери. Около ста монахинь и послушниц монастыря во главе с игуменьей Еленой переехали в Гродно. Местное отделение Красного креста направило 10 сестер в Гродно в госпиталь добровольного санитарного отряда и 20 сестер в Москву, в лазарет, устроенный братством Царицы Небесной. В разгар военных действий в районе Красностока в обители размещалось несколько полевых госпиталей, которым монастырь предоставлял помещение и кровати с бельем, медикаменты и продовольствие³³.

Активно включились в работу по организации помощи действующей армии и западнорусские православные братства, которые после указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. выросли как численно, так и экономически³⁴. Одним из первых на царский манифест о войне с Германией отозвалось гродненское Софийское православное братство, находившееся под покровительством государя императора, которое обратилось к своим членам с призывом оказать помощь семьям воинов, ушедших на фронт. В свою очередь, и виленское Свято-Духовское братство, почетным членом которого был император Николай II, призвало духовенство и мирян к оказанию помощи семьям воинов, мобилизованных на войну³⁵. Поддержали призыв ведущих западнорусских братств и остальные православные братства епархий Северо-Западного края.

Посильную помощь действующей армии и раненым воинам оказывали учителя и учащиеся церковно-приходских школ, которые собирали одежду, белье, продукты питания, подарки и денежные пожертвования³⁶.

Религиозно-нравственное состояние, настроения и социальные практики духовенства и мирян в период военных испытаний

Тяжелым для духовенства и мирян Литовской и Гродненской епархий Русской православной церкви стал 1915 г. – время «Великого отступления» русской армии на широком фронте от Балтики до Галиции. В Северо-Западном крае в начале августа 1915 г. немцы взяли Ковну. Русская армия, отступая с тяжелыми боями, была вынуждена оставить Варшаву, Брест, Гродно и Вильну³⁷. Отступление повлекло за собой огромный поток беженцев и эвакуацию государственных, общественных и церковных учреждений Привислинского края, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний. Средоточием постоянно прибывающей массы беженцев

³² РГИА. Ф 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 15.

³³ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1914. № 34–35. С. 265; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 21–23.

³⁴ *Миловидов А.И.* Западнорусские православные братства, их современное значение и задачи. Вильна, 1913.

³⁵ Гродненские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1914. № 30–31. С. 403–405; Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1914. № 15–16. С. 334–337.

³⁶ Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 8–9. С. 142–144; Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1916. № 13. С. 167.

³⁷ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 225, 260, 265.

стал Северо-Западный край, через территорию которого осуществлялось их перемещение во внутренние губернии России³⁸.

В потоке беженцев и эвакуированных, двигавшихся на восток, находились и те, кто принадлежал к духовному сословию. Начался церковный исход из западных губерний. К концу августа 1915 г. германские войска оккупировали Гродненскую губернию, что, по словам архиепископа Михаила,

заставило почти все население губернии, особенно православное, покинуть родные места и бежать в глубину России, терпя при этом всевозможные бедствия³⁹.

Архиепископ Михаил и епископ Владимир, духовная консистория и епархиальные учреждения были эвакуированы в Москву, куда были вывезены и епархиальные святыни – рака с частицей мощей мученика младенца Гавриила Белостокского и Жировичская икона Божией Матери, помещенные в храм Василия Блаженного на Красной площади⁴⁰.

Вынуждены были покинуть Гродненскую епархию и насельницы Красностоцкого монастыря. Благодаря ходатайству великой княгини Елисаветы Феодоровны для помещения Красностоцкого монастыря был отведен Александринский дворец усадьбы Нескучное в Москве, в котором разместились 208 сестер. Главное внимание при эвакуации было обращено на вывоз монастырских святынь и колоколов. Чтимая копия чудотворной Красностоцкой иконы, наиболее ценная церковная утварь и ризница были также вывезены в Москву и помещены в домовой части дворца в Нескучном. Эвакуация духовенства, их семей, церковных святынь и епархиального имущества происходила в крайней спешке. Беженцы духовного сословия испытывали в пути нужду и тяжелые лишения⁴¹.

Трагедию беженства и эвакуации пришлось пережить духовенству и мирянам Литовской епархии. С падением Ковны началась спешная эвакуация семейств священнослужителей, причта, монашествующих и церковного имущества из Ковенской губернии. Затем, в связи с угрозой германского наступления, началась эвакуация учреждений духовного ведомства из Вильны, а вслед за ними стали выезжать семьи духовенства, причты и монашествующие Виленской губернии. 9 августа 1915 г. (ст. ст.) по благословению архиепископа Тихона в Москву, в Донской иконы Божией Матери монастырь были перевезены святыне мощи трех виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Литовская духовная консистория также эвакуировалась в Москву и была размещена в Даниловом монастыре. Архиепископ Тихон успел покинуть Вильну накануне занятия ее немцами. К концу августа враг занял территорию почти всей епархии, осталась свободной лишь часть Вилейского и Дисненского уездов Виленской губернии⁴².

В губерниях Северо-Западного края России – Полоцкой, Минской, Могилевской, территорию которых отстояла русская армия, Русская церковь расширила патриотическую мобилизацию, начав оказывать помощь беженцам не только ду-

³⁸ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. 2014. С. 103–132; Корнелиук В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 51–66; Саматыя В.Р. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2. С. 71–74; Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Т. 3. Минск, 1953. С. 790–791.

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2695. Л. 1.

⁴⁰ Д.Н.Н. Михаил (Ермаков), митрополит Киевский и Галицкий // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 631–634.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2695. Л. 1–5, 24.

⁴² Там же. Д. 2709. Л. 10–11.

ховного сословия, но и всем тем, кто вынужден был покинуть родные места в результате угрозы немецкой оккупации и принудительных мер по эвакуации. Святейший Синод решением, принятым 11 августа 1915 г. (ст. ст.), поручил епархиальным архиереям учредить особые епархиальные комитеты по устройству быта беженцев, предоставить, по возможности, епархиальные здания для эвакуированных учреждений духовного ведомства, причтов, духовных лиц и «всех вообще беженцев без различия народности и исповедания». Предлагалось также изыскать епархиальные и общественные средства для первоначальной помощи беженцам⁴³.

Меры, предпринятые архиереями Северо-Западного края совместно с губернской администрацией, земствами и общественными организациями, способствовали облегчению тяжелой участи лиц, вынужденно оставшихся без крова и пропитания. Могилевский архиепископ Константин так характеризовал положение беженцев, оказавшихся в Могилевской епархии:

В 1915 году чрез города и веси вверенной мне епархии проследовали тысячи беженцев из местностей, объятых военным пламенем. Тяжело и ужасно их положение. Оставив свой кров и уничтожив почти все свое достояние, дабы оно не досталось врагу, они принуждены были тащиться часто пешком вместе с детьми, со стариками, больными и калеками в холоде и голоде⁴⁴.

После получения распоряжения Синода архиепископом Константином был создан возглавляемый им особый епархиальный Комитет помощи беженцам. Комитет привлек к своей деятельности монастыри, духовенство, приходские попечительные советы, братства и приходы. Был организован сбор пожертвований со стороны духовенства, а также ежемесячный кружечный сбор в церквях для прихожан. В результате совместной деятельности Комитета, православных братств и земств при монастырях Могилевской епархии – Буйничском, Чонском, Бельничском и Барколабовском были организованы приюты для детей беженцев⁴⁵.

В Полоцкой епархии, возглавляемой епископом Кирионом (Садзаглишвили), был создан комитет по призрению беженцев духовного и светского звания, в пользу которого начали собираться добровольные пожертвования от духовенства и мирян⁴⁶.

В это же время для помощи беженцам, которые постоянно прибывали в Минск из губерний, захваченных наступающим врагом, по решению архиепископа Митрофана в помещениях минского женского Преображенского монастыря был устроен приют для детей. В свою очередь, минское православное Свято-Николаевское братство устроило приют для престарелых беженцев, организовав при помощи других общественных организаций более 20 школ для учебы и проживания нескольких тысяч детей-беженцев⁴⁷. Таким образом, западнорусские епархии в сложных условиях военного времени сумели мобилизовать дополнительные средства для оказания помощи беженцам и эвакуированным.

С началом военных действий произошли заметные перемены в религиозных настроениях западнорусской паствы. По отзывам епархиальных архиереев, крестьянское население стало усерднее посещать церкви, ища утешение в вере и молитве. Оно все чаще обращалось к духовным пастырям за церковным благословением и молитвенной помощью, молилось коленапреклоненно; многие из прихожан участвовали в клиросном пении и чтении. Религиозный подъем населения был вы-

⁴³ Церковные ведомости. 1915. № 33. С. 417–418.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 69 об.

⁴⁵ Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 23. С. 662–666.

⁴⁶ Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 45–46. С. 472.

⁴⁷ Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 19. С. 496; Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 7. С. 219.

зван также и тем, что солдаты, призванные на войну, в своих письмах домой просили близких молиться за них⁴⁸.

Не изменились религиозные настроения и в 1915 г., который был особенно тяжелым для Северо-Западного края и воюющей России. В отчете Синоду за 1915 г. архиепископ Могилевский Константин (Булычев) сообщал:

...о необычайном религиозном подъеме во всех слоях населения под влиянием ужасов этой беспримерной войны. Этот подъем не ослабел. И в отчетном году заметно повышенное религиозное настроение паствы. Храмы всегда полны молящихся, а часто и переполнены. Гроза военной бури заставляла креститься и тех, кто уже отвык молиться⁴⁹.

Под воздействием общих испытаний войной стали изменяться отношения между православными и католиками Северо-Западного края. Конфликты между ними, которые были частым явлением в довоенный период, стали уходить в прошлое. Изданное 1 (14) августа 1914 г. Воззвание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам о «братском примирении польского народа с Великой Россией» оказало положительное воздействие на отношение ксендзов и католической паствы к православному духовенству и мирянам. По сообщениям православного духовенства, во время сборов на нужды войны римокатолики охотно жертвовали деньги и вещи. Они стали посещать православные храмы, когда там совершались заказные обеды о даровании победы русскому воинству. Однако традиционная нетерпимость католиков к православным все еще продолжала сохраняться в отдельных приходах западнорусских епархий⁵⁰.

Близость Западного фронта и пребывание воинских частей в прифронтовой полосе сказывалась на религиозно-нравственном состоянии и поведении православной паствы. Об этом писал в Синод в 1916 г. архиепископ Литовский Тихон. Он замечал:

Приходится отметить в народной жизни и прискорбные факты, коих раньше не наблюдалось, а именно: всюду стало заметнее большое стремление к легкой наживе, к обогащению, на предельной первой необходимости, а также за свой личный труд крестьяне подняли небывалые цены. Коснулся деревни и разврат – число внебрачных рождений значительно увеличилось, появилась также в деревне и картежная игра⁵¹.

Об отрицательных явлениях в нравственной жизни прихожан, вызванных обстоятельствами военного времени, писал в Синод и Могилевский архиепископ Константин, отмечая:

Из окопной жизни молодежью занесена в деревню страсть к картежной игре. У многих под влиянием хороших заработков появилась страсть к щегольству, у некоторых торговцев под влиянием острой нужды населения в предметах первой необходимости развилась жажда к наживе через разные спекуляции и искусственное поднятие цен⁵².

Еще более критичным в оценке перемен, которые происходили на третий год войны в поведении, настроениях и религиозно-нравственном состоянии паствы,

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2647. Л. 15; Там же. Д. 2755. Л. 11; Там же. Д. 2633. Л. 5 об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2711. Л. 30.

⁵⁰ Год войны: с 19-го июля 1914 г. по 19-ое июля 1915 г.: высочайшие манифесты, воззвания Верховного Главнокомандующего, донесения от штаба Верховного Главнокомандующего, от штаба Верховного Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба / предисл. А. Оглина. М., 1915. С. 9–10; *Позняк С.В.* «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей.* Минск, 2004. Вып. 1. С. 159–173; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2695. Л. 4 об.; Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 33.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2755. Л. 11 об.

⁵² Там же. Д. 2711. Л. 30.

был редактор «Минских епархиальных ведомостей» протоиерей Иоанн Язвицкий. Священник указывал на резкий рост таких социальных явлений, как массовое увлечение картежной игрой, возвращение пьянства в жизнь народа, жажду наживы, которая проникла во все слои общества, вызывая «дикую вакханалию в погоне за деньгами». По его словам, «в дни общего несчастья» на глазах общества происходил «деловито поставленный грабеж России оптом и в розницу»⁵³. Названные явления были охарактеризованы протоиереем Иоанном Язвичским как наступление религиозно-нравственного кризиса в настроениях православной России, который красноречиво свидетельствовал о том, что далеко не для всех подданных российской монархии война являлась второй Отечественной.

Церковным противодействием наступающим процессам разложения тыла Западного фронта явилась патриотическая деятельность западнорусских епархий, направленная на помощь воюющему Российскому государству и людям, пострадавшим от бедствий войны. Религиозное и идейное обоснование необходимости жертвенного служения делу защиты царя и Отечества, которое давали священнослужители в проповедях, поучениях, выступлениях в печати, усиленное личными примерами самопожертвования, оказывало свое воздействие на поведение мирян⁵⁴.

Архиепископ Тихон, посещавший в 1916 г. остававшуюся свободной от врага часть Вилейского и Дисненского уездов Литовской епархии, высоко отзывался о нравственно-патриотическом состоянии своего духовенства и паствы:

Несмотря на то, что посещенные приходы находятся вблизи театра военных действий, <...> меня повсюду встречали массы народа во главе с приходскими пастырями, приветствовавшими меня от лица пасомых речами, проникнутыми духом глубокого патриотизма, твердой веры в помощь Божию к одолению дерзкого врага и надежды на светлое будущее дорогой Родины⁵⁵.

Выводы

Западнорусское духовенство, монашество и братства в трудный час военных испытаний, которые переживала Россия, по-прежнему оставались верной опорой монархии, верили в победу над врагами и деятельно помогали достижению победы своим служением и материальными средствами.

Святейший Синод, иерархи, духовные консистории, благочинные, приходское духовенство, приходы, монастыри, семинарии, духовные училища, церковно-приходские школы и православные братства, действующие совместно с губернскими администрациями, земствами и всероссийскими общественными организациями, в течение второй половины 1914–1915 гг. создали в западнорусских епархиях России эффективно действующий механизм патриотической мобилизации церковных ресурсов для нужд войны. Работа этого механизма, которая направлялась и иерархически выстраивалась сверху, поддерживалась массовой инициативой духовенства и мирян снизу, для которых война неизменно оставалась второй Отечественной.

В результате сформировалась и начала функционировать подвижная, развивающаяся организация системной церковной помощи фронту и тылу – религиозно-идейная и материальная, свидетельствующая о том, что в прифронтовых западнорусских епархиях возникла своеобразная «симфония», или региональная военная модель сотрудничества Русской православной церкви и государства. Объединяющей силой этого сотрудничества, которая создавала обратную связь духовного со-

⁵³ Язвицкий И.А., прот. На страже паствы // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1916. № 16. С. 491–492.

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2633. Л. 10 об., 12, 31.

⁵⁵ Там же. Д. 2755. Л. 4 об.

словия и епархиальных церковных институтов с Синодом и государством, были не только духовная дисциплина, но и патриотизм, общерусское самосознание, христианские ценности сострадания и милосердия, способность к самопожертвованию и верность царю и Отечеству.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.05.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 31.06.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.08.2024

References

- Airapetov, O.R. *Uchastiie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). 1915 god. Apogei* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1915. Apogee]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2014 (in Russian).
- Belova, I.B. *Vynuzhdennyie migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom kraie Rossiiskoi imperii (1863–1914)* [Problems of religious tolerance in the North-West region of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: BSU Publ., 2010 (in Russian).
- Borshchukova, E.D. “Russian Orthodox Church during World War I.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 172 (2014): 67–73 (in Russian).
- Firsov, S.L. *Russkaia Tserkov nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the Eve of Change (late 1890s – 1918)]. Moscow: Spiritual library Publ., 2002 (in Russian).
- Kornelyuk, V.G. “War Refugees in the Belarusian Provinces and the First Experience of State and Public Assistance to Refugees (1914 – the First Half of 1915).” *The New Historical Bulletin*, no. 1 (2017): 51–66 (in Russian).
- Leontieva, T.G. “The orthodox clergy in the years of World War I.” *Russia and the Contemporary World*, no. 2 (2014): 104–119 (in Russian).
- Poznyak, S.V. “‘Polskii vopros’ vo vlastnykh strukturakh imperatorskoi Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny” [The ‘Polish Question’ in the Power Structures of Imperial Russia on the Eve and During the First World War]. In *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: Sbornik nauchnykh statei* [Russian and Slavic Studies: A Collection of Scientific Articles], 159–173. Minsk: BSU Publ., 2004 (in Russian).
- Samatiya, V.R. “The Refugee Problem in Belarus During World War I.” *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, no. 2 (2003): 71–74 (in Russian).
- Shcheglov, G., priest. *Pervyi Serafimovskii. Istoriiia odnogo lazareta v sobytiakh i litsakh (1914–1918)* [The First Seraphim. The History of One Hospital in Events and Persons (1914–1918)]. Minsk: Minsk Diocese of the Belarusian Orthodox Church Publ., 2014 (in Russian).
- Smolyaninov, M.M. *Belarus v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg.* [Belarus in the First World War 1914–1918]. Minsk: Belarusian Science Publ., 2018 (in Russian).
- Soloviyov, K.A. “Biblical allusions in the Imperial proclamation of the 26th of July, 1914.” *Christian Reading*, no. 4 (2014): 171–179 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук, профессор, профессор Института теологии Белорусского государственного университета; Беларусь, 220030, Минск, проспект Независимости, 24; Приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bendin26256@yandex.by; SPIN: 2485-5591.

Alexander Yuievich Bendin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Institute of Theology of the Belarusian State University; 24, Prospekt Nezavisimosti Av., Minsk, 220030, Belarus; Visiting researcher at St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya nab. Str., St. Petersburg, 199034, Russia; bendin26256@yandex.by; SPIN: 2485-5591.